

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СССР

*И. Смирнов **

Периодизация истории СССР, устанавливая основные этапы исторического развития СССР, основные исторические периоды, в смене которых выражается закономерный характер развития общества, подытоживает собою изучение всего процесса исторического развития нашей Родины. Установление основных периодов истории СССР возможно лишь при правильном, марксистском объяснении исторических процессов, явлений и событий. Поэтому теоретической предпосылкой исторической периодизации является марксистско-ленинская философия, диалектический и исторический материализм, ибо только теория марксизма даёт возможность научного изучения истории общества, позволяет раскрыть законы развития общества, превращает историю в науку.

В работах классиков марксизма-ленинизма имеются как общие методологические указания по вопросу о принципиальных основах исторической периодизации, так и конкретные указания относительно основных исторических периодов общечеловеческой, мировой истории и истории СССР.

Таким образом, периодизация истории СССР не является проблемой, подлежащей разрешению заново; она сводится к разработке и конкретизации тех основных положений по вопросу о периодизации истории СССР, которые содержатся в работах классиков марксизма-ленинизма.

Следует признать, что советская историческая наука уже проделала большую работу по разработке марксистской периодизации истории СССР. Итоги этой работы нашли своё конкретное выражение как в монографических исследованиях по отдельным вопросам истории СССР, так и в работах обобщающего характера (типа «Истории гражданской войны», «Истории дипломатии») и в учебниках для средней и высшей школы.

При разработке основ марксистской периодизации истории СССР советская историческая наука вдохновлялась и направлялась большевистской партией и великим корифеем науки И. В. Сталиным.

Решающими моментами в этой работе явились два крупнейших события в развитии советской исторической науки: 1) разгром антимарксистской исторической «школы» Покровского и 2) выход в свет сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)».

Разгром антимарксистской «школы» Покровского, осуществлённый на основе исторического постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), опубликованного 27 января 1936 г., вместе с разоблачением антимарксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядов на историческую науку¹, распространившихся Покровским и его «школой», ликвидировал и ту схему «русского исторического процесса», которая пропагандировалась в работах Покровского и его последователей, в том числе и ту «периодизацию», которая содержалась в этих работах.

Ликвидация этой глубоко порочной исторической схемы (с её отрицанием Киевского государства, провозглашением «прогрессивности» татарского ига, отрицанием прогрессивного характера процесса образования Русского централизованного государства, антимарксистской теорией «торгового капитализма», извращением действительной роли национально-освободительных движений — от Куликовской битвы до из-

* Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

¹ См. сборник «К изучению истории», стр. 21. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

родного движения, возглавленного Мининым и Пожарским,—апологией таких «деятелей», как авантюрист и ставленник враждебных Русскому государству сил Лжедмитрий I, и одновременно «разоблачением» действительно прогрессивных деятелей, как Пётр I и т. д. и т. п.) расчистила поле деятельности советских историков и создала предпосылки для выработки подлинно марксистской схемы истории СССР.

Вместе с тем раскрытие подлинного существа исторической «школы» Покровского показало, что философской основой воззрений Покровского и его последователей являлась идеалистическая философия Маха; что именно здесь следует искать философские посылки основного тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое, тезисе, означавшем принципиальное отрицание истории как науки, изучающей и раскрывающей объективные закономерности исторического развития общества.

Раскрыв антимарксистское существо взглядов Покровского и его «школы» Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) указали, что «задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР»².

Исторические решения партии и правительства, дав исчерпывающую оценку положения на историческом фронте, вместе с тем наметили ясную перспективу для развития советской исторической науки, послужив исходным моментом для подъема и расцвета марксистско-ленинской исторической науки и исторического образования в СССР.

Первым и важнейшим этапом в этом процессе являлась работа по написанию новых учебников по истории СССР, осуществлённая на основе постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б).

Эта работа, объединившая крупнейших учёных старшего поколения и молодых советских историков, явилась своеобразной школой: советские исторические кадры овладевали основами марксистско-ленинской теории, освобождались от багажа той псевдонауки, которую представители «школы» Покровского выдавали за подлинный марксизм.

Плодотворность работы по составлению новых советских учебников по истории СССР обеспечивалась тем, что в этой работе советские историки были вооружены принципиальными указаниями партии по вопросу о «школе» Покровского, а также тем, что в распоряжении советской исторической науки оказались такие исключительной важности документы, как замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, опубликованные в печати 27 января 1936 года. В этих замечаниях «были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике» представленные ранее конспекты учебников по истории СССР и новой истории. Вместе с тем «замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова исчерпывающим образом указывали, в каком направлении необходимо было переработать конспекты и подготавливаемые учебники»³.

Одним из главных пороков конспектов учебников по истории СССР и новой истории, как отметили И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов, являлась ошибочная периодизация. Поэтому, указав, в каком направлении необходимо переработать конспекты и представленные учебники, И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов одновременно показали, как надо построить периодизацию истории СССР и новой истории, сформулировав, таким образом, основные её принципы.

Выход в свет в 1937 г. «Краткого курса истории СССР» (под редакцией проф. А. В. Шестакова), одобренного Всесоюзной правительственной комиссией и рекомендованного в качестве школьного учебника для третьих и четвертых классов, знаменовал собой новый этап в развитии советской науки.

Это был первый опыт написания общей истории СССР с подлинно марксистских позиций, с позиций борьбы против исторической «школы» Покровского, на основе принципиальных указаний, содержащихся в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) и в замечаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова.

² Сборник «К изучению истории», стр. 21.

³ Там же, стр. 20.

Основное, принципиальное значение учебника под редакцией Шестакова заключается в том, что в нём, хотя и в самой общей и элементарной форме (объясняемой самым характером учебника), впервые была дана новая, марксистская схема, новая, марксистская периодизация истории СССР. Основные положения этой периодизации истории СССР были единодушно приняты советскими историками и положены в основу при написании учебников для средней и высшей школы.

Спустя два года после издания постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки и через год после выхода в свет «Краткого курса истории СССР» на фронте советской исторической науки, равно как и на всём идеологическом фронте, произошло событие исключительной важности: был опубликован сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)».

Выход в свет в сентябре 1938 г. сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)» имел огромное значение для развития советской исторической науки.

«Краткий курс истории ВКП(б)» — эта энциклопедия марксизма-ленинизма, — знаменующий собой новый, высший этап в развитии марксистско-ленинской теории применительно к новой эпохе, эпохе империализма и пролетарских революций, эпохе победы социализма в нашей стране, вооружил советских историков знанием основ марксистско-ленинской философии, знанием основных закономерностей развития общества.

Вместе с тем «Краткий курс истории ВКП(б)» представляет собой образец марксистского исторического исследования, посвящённого важнейшему периоду истории СССР. Охватывая изложением почти столетний период — от отмены крепостного права в 1861 г. до конца 30-х годов XX в., — «Краткий курс истории ВКП(б)» дал основы марксистской истории СССР новейшего времени. При этом величайшим вкладом в развитие советской исторической науки явилась разработанная И. В. Сталиным и положенная в основу изложения в «Кратком курсе истории ВКП(б)» периодизация событий, связанных с историей ВКП(б), создавшая основы и общесторической периодизации новейшего периода истории СССР.

Таким образом, проблема периодизации истории СССР получила в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» дальнейшее развитие и для новейшего периода истории СССР — исчерпывающее разрешение.

Значение «Краткого курса истории ВКП(б)», однако, не исчерпывается тем, что советские историки получили здесь подлинно научную, марксистскую периодизацию новейшей истории СССР. Периодизация, разработанная И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)», имеет важнейшее методологическое значение для решения вопроса о периодизации всей истории СССР в целом, демонстрируя тот принцип, который положен в основу периодизации. Этот принцип заключается в том, что в качестве основного критерия при членении исторического процесса на периоды И. В. Сталин берёт важнейшие политические события данного периода, важнейшие моменты в развитии государства.

На первый взгляд может показаться неожиданным, что марксистская периодизация истории оказывается построенной на основе политического принципа. В самом деле, если основу общественного развития составляет развитие производительных сил, развитие материального производства, то не следует ли в основу периодизации истории общества положить развитие производства, развитие производительных сил?

Такая постановка вопроса, при всей её кажущейся логичности, является всё же неправильной, так как методологической предпосылкой при этом является принцип эволюционизма, изображающий развитие как процесс постепенного и непрерывного движения, в ходе которого одна форма производства постепенно сменяется другой, один тип производственных отношений — другим типом.

Такое понимание процесса развития не имеет ничего общего с марксизмом, с диалектическим материализмом, ибо «с точки зрения диалектического метода эволюция и революция, количественное и качественное изменение, — это две необходимые формы одного и того же движения»⁴.

Процесс развития производства действительно является непрерывным процессом. «Одна из особенностей производства, — говорит товарищ И. В. Сталин, — состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 1. стр. 309.

находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя»⁵. Но ограничиваться только этим в характеристике процесса развития производства означало бы оставить без ответа основной вопрос — о том, как происходит переход от одной формы производства к другой, от одного типа производственных отношений к другому типу.

Между тем совершенно очевидно, что суть проблемы периодизации как раз и заключается в том, чтобы определить моменты перехода от одного типа производства к другому типу производства, от одного этапа в развитии производства к другому этапу в развитии производства. И именно для этих узловых моментов в развитии производства, а следовательно, и общества, на первый план выступают и приобретают особенно важную роль факторы политического развития, факторы в развитии государства. И. В. Сталин следующим образом характеризует эту основную закономерность общественного развития: «До известного периода развитие производительных сил и изменения в области производственных отношений протекают стихийно, независимо от воли людей. Но это только до известного момента, до момента, пока возникшие и развивающиеся производительные силы успеют, как следует, созреть. После того, как новые производительные силы созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции»⁶.

Итак, переход от старых производственных отношений к новым, от старого строя производства к новому происходит не автоматически, а путём сознательной деятельности новых классов, которые утверждают новую политическую власть и используют её как оружие для упразднения старых порядков в области производственных отношений и утверждения новых порядков.

Отсюда следует, что развитие производства и общества невозможно вне и помимо политического развития, что политическое развитие является формой и средством упразднения старых форм производства и утверждения новых.

Следовательно, изучение этапов политического развития, этапов развития государства, является средством выявления и определения этапов развития и материального производства, ибо смена одного политического строя другим, одной формы государства другой является выражением и показателем изменений и в материальном производстве, показателем изменений в экономическом базисе общества.

Итак, периодизация исторического процесса на основе политического принципа, образцом которой является сталинская периодизация, вытекает из самого существа исторического процесса, обуславливается характером исторического развития, представляющего собой единство эволюции и революции, экономики и политики, стихийных сил экономического развития и сознательной деятельности людей.

Сказанное в равной мере относится и к основным вехам исторической периодизации, отражающим смену одного общественного строя другим, и к более дробным подразделениям в периодизации, отражающим отдельные этапы в развитии данного общественного строя. При этом форма и характер политических событий в первом и втором случаях будут отличны, ибо в первом случае речь идёт о коренных переменях

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 115.

⁶ Там же, стр. 125.

в истории общества, а во втором — о более мелких, менее значительных изменениях: в пределах данного общественного строя, в пределах данной политической формы.

Будучи веками исторического развития, события политической истории, истории государства являются тем самым рамками, отграничивающими друг от друга отдельные исторические периоды. При этом каждый такой период, само собой разумеется, характеризуется всеми присущими ему чертами и особенностями общественной жизни, начиная от материальных основ жизни общества и вплоть до различных форм общественного сознания. Но решающим моментом, придающим данному отрезку исторического развития характер закономерного этапа в истории, закономерного звена в общей цепи исторического развития, характер исторического периода, является именно момент политический, характер политических событий, изменений в политическом строе, в строе государства.

В дискуссии по вопросам о периодизации истории СССР, организованной редакцией журнала «Вопросы истории», вопрос о принципе, который должен лечь в основу периодизации, естественно, не мог не привлечь внимания участников дискуссии. С самого начала определились две основные точки зрения, представленные авторами, чьими статьями была открыта дискуссия, — К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым.

Позиция К. В. Базилевича, посвятившего свою статью вопросам периодизации истории СССР феодального периода, определяется выдвинутым им тезисом, что «периодизация исторического процесса должна быть произведена в соответствии с теми изменениями, которые в рассматриваемое время происходили в состоянии производства, т. е. в состоянии производительных сил и производственных отношений»⁷.

Конкретизируя свою позицию, К. В. Базилевич выдвигает в качестве теоретической основы для периодизации истории СССР феодального периода учение Маркса о докапиталистической ренте: «Марксистское учение о докапиталистической ренте даёт полную возможность установить главные этапы в развитии феодальных производственных отношений. Поэтому оно и должно быть положено в основу периодизации феодального периода»⁸.

Наконец, «в итоге рассмотрения основных вопросов, относящихся к периодизации феодального периода в России», К. В. Базилевич приходит к выводу, что феодальный период в России можно разделить «на три части: господство натурального хозяйства (отработочная и продуктовая рента) — IX — конец XV в.; зарождение и развитие товарно-денежных отношений (денежная рента) — конец XV — середина XVIII в.; разложение феодального хозяйства и возникновение капиталистических отношений — середина XVIII — середина XIX века»⁹.

Позиция Н. М. Дружинина, статья которого посвящена периодизации истории капиталистических отношений в России, существенно отличается от позиции К. В. Базилевича.

Если К. В. Базилевич в основу периодизации истории СССР феодального периода кладёт экономический принцип, то, по мнению Н. М. Дружинина, напротив, «было бы ошибкой, если бы, устанавливая хронологические грани, мы следили исключительно за изменениями хозяйственной жизни: такая периодизация была бы чисто экономической, она не включала бы в себя других сторон исторического процесса, не раскрывала бы обратного воздействия — надстройки на базис, которое всегда учитывалось и подчеркивалось классиками марксизма»¹⁰.

Н. М. Дружинин выдвигает тезис, что при периодизации истории следует исходить «из понятия классовой борьбы как основного критерия»¹¹, и считает, что «при расчленении истории капиталистической эпохи на хронологические этапы правильное все-

⁷ К. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

⁸ Там же, стр. 67.

⁹ Там же, стр. 89.

¹⁰ Н. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 90.

¹¹ Там же, стр. 91.

го исходить из фактора классовой борьбы, которая является движущей силой исторического процесса в рамках каждого классового общества»¹².

В ходе дискуссии подверглись обсуждению и критике обе основные точки зрения — и К. В. Базилиевича и Н. М. Дружинина.

Однако в критике схемы К. В. Базилиевича и схемы Н. М. Дружинина участники дискуссии исходили из разных посылок. В то время как одна группа участников дискуссии, критикуя отдельные частности схемы К. В. Базилиевича или даже всю его схему в целом, тем не менее принимала принципиальную основу его периодизации, построенной по социально-экономическому принципу, другая группа участников дискуссии отвергала именно основу периодизации К. В. Базилиевича, присоединяясь к тезису Н. М. Дружинина о классовой борьбе как критерии периодизации (что вместе с тем не мешало этим участникам дискуссии вносить свои уточнения и изменения в периодизацию, предложенную Н. М. Дружининым).

К первой группе участников дискуссии следует отнести С. В. Юшкова, П. Ф. Баканова, А. П. Пьянкова. Правда, никто из них не принял полностью схемы К. В. Базилиевича, но всех их объединяют с К. В. Базилиевичем поиски основного критерия периодизации в сфере социально-экономических отношений феодального общества.

Так, С. В. Юшков, резко расходясь с К. В. Базилиевичем в вопросах, связанных с историей феодального государства, вместе с тем утверждает, что «основным стержнем» периодизации истории СССР феодального периода должна являться «характеристика изменений, происходивших в состоянии феодального производства»¹³.

Иными словами, С. В. Юшков, подобно К. В. Базилиевичу, считает, что в основу периодизации истории СССР феодального периода следует положить этапы в развитии феодальной экономики, феодального производства.

Так же ставит вопрос об основном критерии исторической периодизации П. Ф. Баканов, указывающий, что «с точки зрения диалектического материализма единственным охватывающим все стороны исторического процесса критерием периодизации является способ производства»¹⁴.

Наконец, А. П. Пьянков также предлагает этапы в истории русского феодализма намечать «по принципу выявления типичных явлений в организации феодального способа производства на отдельных этапах его развития»¹⁵.

Противоположную позицию заняли П. Я. Мирошниченко, А. А. Зимин, А. М. Борисов, солидаризировавшиеся с тезисом Н. М. Дружинина о классовой борьбе как критерии периодизации.

Наиболее отчетливо определил свою позицию А. А. Зимин. Признавая «отправные методологические посылки» К. В. Базилиевича «вполне научно обоснованными, ибо они исходят из основного содержания истории как истории трудящихся масс», и соглашаясь с К. В. Базилиевичем в необходимости «выделения наиболее крупных периодов истории феодализма по признаку развития производительных сил и производственных отношений», А. А. Зимин вместе с тем ставит вопрос о том, «как же определить грани, разделяющие различные периоды в истории русского феодализма?»¹⁶. По мнению А. А. Зимины, решение этого вопроса должно пойти по пути, предложенному Н. М. Дружининым. Поэтому А. А. Зимин солидаризируется с Н. М. Дружининым, подчёркивая, что «Н. М. Дружинин был прав, когда исходил «из фактора классовой борьбы», и в свою очередь указывая, что «это положение вполне применимо и к периодизации истории феодализма в СССР»¹⁷.

Что касается П. Я. Мирошниченко, то его отношение к проблеме периодизации выявляется в тех позициях, с которых он критикует схему К. В. Базилиевича, видя недо-

¹² «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 90.

¹³ С. Юшков. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 72.

¹⁴ П. Баканов. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи. «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 75.

¹⁵ А. Пьянков. О периодизации истории феодальных отношений в России. «Вопросы истории» № 5 за 1950 г., стр. 84.

¹⁶ А. Зимин. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 69.

¹⁷ Там же.

статок этой схемы в том, что «она не основана на истории классовой борьбы», что «классовая борьба не является главной чертой в периодизации К. В. Базилевича»¹⁸.

Несколько иначе ставит вопрос А. М. Борисов. Признавая, что Н. М. Дружинин в своей периодизации «исходит из марксистского принципа классовой борьбы, как движущей силы исторического процесса», А. М. Борисов вместе с тем видит недостатки схемы Н. М. Дружинина в том, что «Н. М. Дружинин в основу периодизации положил всякую классовую борьбу, независимо от её форм, от характера, от результатов её действия на исторический процесс»¹⁹. Между тем, по мнению А. М. Борисова, «не всякую классовую борьбу можно класть в основу периодизации». Поясняя свою мысль, А. М. Борисов ссылается на замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, указывая, что «авторы замечаний на конспекты учебников берут в основу периодизации не всякую классовую борьбу, а лишь только те её формы, которые либо совершают переворот в общественных отношениях либо наносят по старым общественным отношениям сильный удар, в результате которого происходят значительные перемены в социально-политическом строе»²⁰.

Итак, в итоге рассмотрения вопроса о принципе периодизации А. М. Борисов так же, как и Н. М. Дружинин, считает, что критерием для периодизации должна являться классовая борьба (но не «всякая классовая борьба», как выражается А. М. Борисов, а лишь в её наиболее существенных проявлениях).

Обзор мнений, высказанных в ходе дискуссии, показывает, что ни одна из двух предложенных на обсуждение точек зрения — ни К. В. Базилевича, ни Н. М. Дружинина — не получила единодушного одобрения и что, следовательно, вопрос о том, что должно служить критерием периодизации, как периода феодализма, так и новейшей истории СССР, остался для участников дискуссии открытым.

Чем можно объяснить такой итог дискуссии?

Основной и решающей причиной является то, что самый вопрос был поставлен неправильно. Неправильность, в равной мере присущая и статье К. В. Базилевича и статье Н. М. Дружинина, заключалась в том, что их авторы поняли свою задачу так, как будто бы им предстояло разработать совершенно новую, оригинальную периодизацию истории СССР, построенную на основе некоего избранного ими критерия.

В соответствии с таким пониманием задачи и К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин сосредоточили своё внимание прежде всего на отыскании критерия периодизации, а затем уже на построении исторической схемы, охватывающей феодальный и капиталистический периоды истории СССР.

В действительности, однако, вопрос, стоящий перед советской исторической наукой, заключается вовсе не в создании некоей новой периодизации истории СССР, а в разработке и конкретизации тех основ марксистско-ленинской периодизации истории СССР, которые содержатся в работах классиков марксизма, в произведениях В. И. Ленина и И. В. Сталина.

И К. В. Базилевич и Н. М. Дружинин лишь чисто абстрактно ставят вопрос о том, что «периодизация должна дать такое членение исторического процесса, которое полностью отвечало бы марксистской концепции» (К. В. Базилевич)²¹, что «исходным пунктом такого исследования должно быть марксистское учение о социально-экономических формациях, в данном случае учение классиков марксизма о смене феодализма капиталистическим строем и капитализма — новым, социалистическим обществом» (Н. М. Дружинин)²².

Но такая постановка вопроса о периодизации истории СССР, во-первых, чрезмерно преувеличивает значение задач, стоявших перед К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым, а во-вторых, и это — самое главное, объективно означает недооценку значения того, что содержится в работах классиков марксизма по вопросу о периодизации.

¹⁸ П. Мирошниченко. По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 92.

¹⁹ А. Борисов. К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 80.

²⁰ Там же.

²¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 65.

²² Там же, стр. 90.

Ни К. В. Базилевич, ни Н. М. Дружинин не подчёркивают, что в замечаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории содержатся основные принципиальные указания по вопросам периодизации истории СССР, причём не только для новейшего периода истории СССР, но и для феодального периода.

Статьи К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина проходят мимо и того важнейшего обстоятельства, что марксистско-ленинская периодизация истории СССР не является продуктом логически-абстрактного, кабинетного творчества, а представляет собой результат борьбы против антимарксистских, буржуазных концепций истории России, результат разгрома этих концепций, и в первую очередь результат разгрома антимарксистской исторической «школы» Покровского, разгрома, осуществлённого большевистской партией, И. В. Сталиным. Только недооценкой данной стороны проблемы периодизации истории СССР можно объяснить то, что в статьях К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина нет ни одного слова об этом важнейшем моменте в процессе разработки основ марксистско-ленинской периодизации истории СССР.

Подобная черта статей К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина, естественно, не могла пройти мимо внимания участников дискуссии, которые указали на то, что «недостатком вводной части статьи» К. В. Базилевича, «излагающей принципы периодизации, является отсутствие определения задач периодизации в связи с известным указанием И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на то, что историю Велико-россии нельзя отрывать от истории других народов СССР, а историю народов СССР — от истории общеевропейской и вообще мировой истории»²³. В ещё более резкой форме это сказано относительно статьи Н. М. Дружинина: «В разрешении вопроса о периодизации истории СССР надо исходить из замечаний И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. Между тем Н. М. Дружинин построил свою статью в отрыве от этих замечаний»²⁴.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые из участников дискуссии в постановке вопроса о периодизации повторили ошибку К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина. Так, П. Ф. Баканов начинает свою статью с заявления, что «отсутствие более или менее удовлетворительной, основанной на едином методологически выраженном принципе периодизации истории СССР остро ощущается исторической общественностью»²⁵, очевидно, не замечая, что таким образом он игнорирует роль В. И. Ленина и И. В. Сталина в разработке основ марксистской периодизации истории СССР.

Рассматривая в связи с дискуссией, проведённой журналом «Вопросы истории», общие вопросы периодизации истории СССР, необходимо отметить ещё один момент. Говоря о периодизации истории СССР, следует иметь в виду, что эта периодизация должна быть периодизацией гражданской истории.

Это важнейшее принципиальное понятие было сформулировано в постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом историческом постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) констатировали, что «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащиеся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами»²⁶.

Оценив такое преподавание истории в школах как неудовлетворительное, СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность,

²³ П. Мирошниченко. По поводу статьи К. В. Базилевича «Опыт периодизации истории СССР феодального периода». «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 90.

²⁴ А. Борисов. К вопросу о формировании капиталистического уклада в промышленности. «Вопросы истории» № 3 за 1950 г., стр. 80.

²⁵ «Вопросы истории» № 2 за 1950 г., стр. 74.

²⁶ Сборник «К изучению истории», стр. 18.

наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории»²⁷ (разрядка моя.— И. С.).

Эти принципиальные указания СНК СССР и ЦК ВКП(б) имеют прямое и непосредственное отношение к проблеме периодизации истории СССР.

Периодизация истории СССР не должна являться отвлечённой социологической схемой, содержащей абстрактные определения общественно-экономических формаций, она должна быть периодизацией конкретной истории, периодизацией исторических событий, должна представлять собой правильное обобщение исторических событий.

Именно так ставится вопрос о периодизации и в письме И. В. Сталина «Об учебнике истории ВКП(б)», где И. В. Сталин в качестве одной из трёх главных причин неудовлетворительности учебников по истории ВКП(б), существовавших в 1937 г., называл то, что эти учебники «страдают неправильностью конструкции, неправильностью периодизации событий»²⁸ (разрядка моя.— И. С.).

В том же письме, формулируя основные положения, которые должны лечь в основу работы над созданием учебника по истории ВКП(б), И. В. Сталин указывал, что необходимо «внести какой либо порядок в дело периодизации событий из истории ВКП(б)»²⁹ (разрядка моя.— И. С.).

Таким образом, основу периодизации истории СССР должны составлять исторические события, взятые во всей их конкретности, в историко-хронологической последовательности. Только такой подход к проблеме периодизации даёт возможность избежать абстрактного схематизма и социологизма, подменяющего живой процесс развития общества — гражданскую историю — абстрактной социологической схемой.

Следует признать, что эта сторона проблемы периодизации не нашла отражения в ходе дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории», и важнейший тезис об истории как гражданской истории оказался вне поля зрения и авторов введённых статей и остальных участников дискуссии.

Между тем можно с уверенностью сказать, что выполнение требования СНК СССР и ЦК ВКП(б) об изучении гражданской истории во всей конкретности и в историко-хронологической последовательности оказалось бы чрезвычайно плодотворное влияние на решение советскими историками проблемы периодизации истории СССР.

В свете постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в средней школе», в частности, становится очевидным, что схема периодизации истории СССР феодального периода, представленная К. В. Базилиевичем, страдает именно теми недостатками, от которых предостерегало это постановление, ибо предложение К. В. Базилиевича взять за основу периодизации учение Маркса об эволюции форм феодальной ренты ведёт к подмене проблемы периодизации событий гражданской истории проблемой изучения закономерностей развития феодальной ренты, т. е. проблемой совершенно иного порядка. Попытка К. В. Базилиевича расчленить исторический процесс на периоды, соответствующие периодам в развитии феодальной ренты, с неизбежностью придала периодизации К. В. Базилиевича те черты абстрактного схематизма и отвлечённого социологизма, которые были осуждены в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года.

К этому следует добавить, что периодизация, предложенная К. В. Базилиевичем, не может быть принята даже и применительно к тому кругу явлений, где, как, например, в истории земледелия, периодизация на основе изучения эволюции форм феодальной ренты теоретически является вполне правильной. Дело в том, что, объявляя теоретической основой своей периодизации учение Маркса о докапиталистической земельной ренте, К. В. Базилиевич затем произвольно заменяет марксову трёхчленную схему эволюции докапиталистической земельной ренты (стработочная рента — рента продуктами — денежная рента) двухчленной схемой, объединяя период господства отработочной ренты и ренты продуктами в один общий период. В итоге получается, что,

²⁷ Сборник «К изучению истории», стр. 18.

²⁸ Там же, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 29.

в то время как Маркс в развитии феодальной экономики устанавливает три периода, К. В. Базилевич выделяет два основных периода: «период отработочной и продуктовой ренты и период возникновения и развития денежной ренты. В первом периоде феодальное хозяйство вполне сохраняет замкнутый натуральный характер, во втором — оно приспосабливается к развитию товарных и денежных отношений»³⁰.

Такая «поправка» к учению Маркса о феодальной земельной ренте никак не может быть принята, ибо именно превращение отработанной ренты в ренту продуктами знаменует собой наиболее существенные изменения в феодальном хозяйстве: при господстве отработочной ренты «крестьянин своим трудом на земле помещика создает прибавочный продукт»; при ренте продуктами «крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу «внеэкономического принуждения»³¹. Денежная же рента — это «та же рента натурой, превращенная в деньги, «оброк» старой Руси, в силу развития товарного производства»³².

В отличие от К. В. Базилевича Н. М. Дружинин, предлагая положить в основу периодизации истории СССР «фактор классовой борьбы», ближе подходит к осуществлению требования о том, чтобы предметом исследования советских историков являлась гражданская история.

События классовой борьбы, бесспорно, — важнейший момент в развитии общества, в гражданской истории. Поэтому несомненно, что периодизация истории общества, гражданской истории, невозможна без учёта событий классовой борьбы, в отрыве от событий классовой борьбы.

Однако понятие «классовая борьба», взятое в столь общей, абстрактной форме, не может быть само по себе признано за критерий исторической периодизации.

Известно, что Маркс отвергал попытки отождествления марксизма с учением о классовой борьбе. В своём знаменитом письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. — документе, где, по словам Ленина, «Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве»³³, — Маркс писал: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»³⁴.

Комментируя это «замечательное рассуждение» Маркса, В. И. Ленин писал: «Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать действительное понимание и признание марксизма»³⁵.

³⁰ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 67.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 51—52.

³² Там же, стр. 52.

³³ В. И. Ленин, Соч. Т. 25, стр. 383.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 63. Огиз. Госполитиздат. 1947.

³⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 382—384.

Замечательные слова Ленина, направленные своим остриём против низведения марксизма до уровня буржуазной теории классовой борьбы, противопоставляют марксистское учение о классах и классовой борьбе учениям буржуазных мыслителей.

В. И. Ленин вёл непримиримую борьбу против буржуазно-либерального извращения и опошления марксизма в вопросе о классах и классовой борьбе. Развивая взгляды Маркса на классовую борьбу, В. И. Ленин противопоставлял марксистское понятие классовой борьбы либеральному понятию классовой борьбы. Именно этому вопросу посвящены две статьи В. И. Ленина, направленные против меньшевика-ликвидатора А. Ерманского: «Анкета об организациях крупного капитала» и «О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы». Разоблачая буржуазно-либеральную сущность взглядов А. Ерманского, подмену им понятия классовой борьбы в том смысле, который придавал ей Маркс, «либеральным понятием классовой борьбы»³⁶, В. И. Ленин с гениальной глубиной показывает, что основным и наиболее существенным в марксистском понятии классовой борьбы является вопрос о государстве.

При этом, исходя из исключительной теоретической важности вопроса о понятии классовой борьбы, ибо «вопрос о классовой борьбе есть один из самых основных вопросов марксизма»³⁷, В. И. Ленин использовал выступление А. Ерманского для того, чтобы рассмотреть вопрос «о понятии классовой борьбы» в плане философско-теоретическом. Итоги рассмотрения Ленин подвёл в следующих предельно ясных словах: «Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Известно, что эти глубокие слова Маркса оппортунисты, поработанные идеями либерализма, понимали превратно и старались истолковать извращенно. К числу оппортунистов принадлежали, например, «экономисты», старшие братья ликвидаторов. «Экономисты» думали, что любое столкновение между классами есть уже политическая борьба. «Экономисты» признавали поэтому «классовой борьбой» борьбу за пятачок на рубль, не желая видеть более высокой, развитой, общенациональной классовой борьбы за политику. «Экономисты» признавали, таким образом, зачаточную классовую борьбу, не признавая ее в развитом виде. «Экономисты» признавали, иначе говоря, в классовой борьбе лишь то, что было наиболее терпимо с точки зрения либеральной буржуазии, отказываясь идти дальше либералов, отказываясь признавать более высокую, для либералов неприемлемую, классовую борьбу. «Экономисты» превращались этим в либеральных рабочих политиков. «Экономисты» отказывались этим от марксистского, революционного, понятия классовой борьбы.

Далее. Мало того, что классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой, лишь тогда, когда она охватывает область политики... Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» лишь тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти.

Наоборот, либерализм, когда рабочее движение несколько окрепло, не решаетя уже отрицать классовой борьбы, но старается сузить, обкарнить, кастрировать понятие классовой борьбы. Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее не входило устройство государственной власти. Нетрудно понять, какие классовые интересы буржуазии вызывают это либеральное искажение понятия классовой борьбы»³⁸.

Итак, марксист не может просто говорить «классовая борьба». Марксистское, революционное понятие классовой борьбы признаёт вполне развитой, «настоящей», «общенациональной» классовую борьбу лишь тогда, когда в форме этой борьбы находит своё выражение борьба за власть, за устройство государственной власти.

Государство, будучи органом господствующего класса, удерживает в подчинении этому классу класс угнетённый. Но именно потому борьба угнетённых классов против угнетателей не может не быть направлена против данного государства, не может не ставить своей задачей изменение устройства государственной власти в интересах угнетённого класса. Таков тот критерий, который даёт марксизм для оценки явлений классовой борьбы, критерий, позволяющий безошибочно разобраться в общественных со-

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 51.

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 97.

³⁸ Там же, стр. 97—98.

бытиях, определить значение тех или иных событий классовой борьбы в процессе исторического развития.

Совершенно очевидно, что и рассматривая вопрос о классовой борьбе как критерий для периодизации истории СССР, Н. М. Дружинин обязан был раскрыть то содержание, которое он вложил в понятие классовой борьбы, должен был отмежеваться от либерального понятия классовой борьбы. Между тем в своей статье Н. М. Дружинин ограничивается лишь ссылкой на то, что «Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, давая периодизацию истории нового времени, обычно исходили из принципа классовой борьбы»³⁹, что, «исходя из понятия классовой борьбы как основного критерия, мы не должны забывать, что общие закономерности исторического процесса не исключают его национальных особенностей»⁴⁰, не раскрывая, в чём сущность марксистского «принципа классовой борьбы», не определяя марксистского «понятия классовой борьбы».

Отсутствие в статье Н. М. Дружинина анализа «понятия классовой борьбы» является крупнейшим недостатком, принципиальной её ошибкой. И дело здесь, конечно, не просто в неточной или неудачной формулировке. Пройдя мимо ленинского анализа «марксистского понятия классовой борьбы», Н. М. Дружинин лишил себя возможности использовать ленинский критерий для определения того, какие из событий в области классовой борьбы имеют решающее значение в ходе исторического развития и, следовательно, могут и должны лечь в основу исторической периодизации.

Между тем в работах В. И. Ленина, — именно исходя из марксистского понятия классовой борьбы, как борьбы, в которой главным и определяющим моментом является борьба за власть, за устройство государственной власти, — содержится стройная и целостная периодизация истории России XVII — XX веков. Основы этой периодизации даны В. И. Лениным в его оценке этапов в истории Русского государства, в эволюции форм государственной власти в России.

Проблеме периодизации истории России В. И. Ленин уделял особенно большое внимание после революции 1905 г., в период столыпинской реакции. Именно в те годы с особенной остротой встал вопрос о том, что представляет собой переживаемый Россией момент, как определить место этого момента в историческом развитии страны. В статьях «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам», «Наши упразднители», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» и других, анализируя вопрос об изменениях, происшедших в области социальной структуры общества и власти в России, В. И. Ленин доказал, что эпоха столыпинской реакции 1907 и последующих годов представляет собой «некоторый новый, своеобразный период русской истории»⁴¹.

Выдвигая этот тезис, Ленин указывал и тот критерий, который должен лежать в основе установления исторических периодов. Этим критерием должна быть форма государства, структура власти.

Устанавливая, что анализируемый им период характеризуется наличием таких сдвигов в устройстве государства, в социальной структуре власти, которые позволяют говорить о «новом периоде русской истории», Ленин демонстрировал вместе с тем, что этот новый период не является чем-то случайным, а представляет собой закономерное звено в историческом развитии России. Именно для доказательства данного положения В. И. Ленин обращается к истории России, давая общую схему исторического развития России за XVII — XIX вв., схему, устанавливающую основные этапы, пройденные Россией за это время. В. И. Ленин пишет: «Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны»⁴².

³⁹ «Вопросы истории» № 11 за 1950 г., стр. 90.

⁴⁰ Там же, стр. 91.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 116.

⁴² Там же, стр. 117.

Ленинская схема периодизации истории России имеет огромное значение для разработки вопроса о периодизации истории СССР. Значение это двояко: оно состоит прежде всего, конечно, в том, что В. И. Ленин показывает основные этапы в истории России за три века и, таким образом, указывает основные вехи исторической периодизации. Вместе с тем — и в этом также огромное значение ленинской схемы периодизации — В. И. Ленин показывает принцип, на основании которого им произведено членение истории России на периоды, показывает, как следует решать проблему исторической периодизации.

Определяя основной характер исторического развития за XVII—XIX вв. как развития в направлении капиталистической эволюции страны, Ленин показывает, что формой разрешения основной задачи исторического развития России в XVII—XIX вв., т. е. задачи уничтожения феодального строя и утверждения капитализма, являлась классовая борьба, находившая своё выражение в эволюции форм государственного строя России, так как в изменении форм государственного строя России находили своё выражение и отражение изменения в соотношении сил основных классов русского общества, изменения, являвшиеся результатом сдвигов во всей системе общественных отношений страны.

Принципиальные предпосылки своей периодизации истории России В. И. Ленин сформулировал в статье «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам».

Отмечая в этой статье полную неспособность социалистов-революционеров дать правильную оценку и определить сущность нового исторического периода в истории России, наступившего после революции 1905 г., В. И. Ленин показал, что философские корни этой неспособности следует искать в том, что эсеры «не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей»⁴³. Буржуазная идеология эсеров проявлялась и в их неспособности понять классовую сущность государства, государственной власти: «Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т. д. и т. п.»⁴⁴.

Либерально-буржуазным рассуждениям эсеров Ленин противопоставлял учение марксизма о государстве, раскрывающее классовую сущность государства, государственной власти: «На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой несколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»⁴⁵.

Сформулировав, таким образом, принципиальные, философские основы учения марксизма о государстве, Ленин затем проиллюстрировал правильность этого учения на материале исторического развития России: «Например, русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя»⁴⁶.

Итак, в смене форм русского государственного строя, в смене форм русского самодержавия XVII—XX вв. нашла своё отражение и выразилась история классовой борьбы в России. При этом основная тенденция в развитии государственного строя в России — в направлении к буржуазной монархии — отражала и основную тенденцию всего исторического процесса в целом — тенденцию капиталистической эволюции страны, — и вместе с тем свидетельствовала о сохранении «господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке».

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

Отсюда следует, что гранью, отделяющей один исторический период от другого, являются изменения в устройстве государства, изменения в форме государственной власти.

Таковы принципиальные основы ленинской периодизации истории России XVII—XX веков. Анализ их показывает, что теоретической основой ленинской периодизации является марксистское учение о классах и классовой борьбе, марксистское понятие классовой борьбы.

Очевидно, что и при разработке вопроса периодизации истории СССР в целом необходимо исходить из того же принципа, т. е. брать за основу периодизации, как главный критерий периодизации, изменение формы государственного строя, изменение формы государства, — критерий, в равной мере применимый и к членению главных исторических периодов — общественно-экономических формаций, и к членению внутри каждого исторического периода, внутри каждой общественной формации.

Исходя из таких принципиальных предпосылок, следует рассмотреть и конкретные схемы периодизации истории СССР, которые были выдвинуты в ходе дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории».

Прежде всего надо сказать, что статьи К. В. Базилиевича и Н. М. Дружинина не охватывают всей проблемы в целом. В самом деле, совершенно очевидно, что проблема периодизации истории СССР не может исчерпываться ни рассмотрением вопроса о периодизации истории СССР феодального периода, ни установлением этапов в развитии капиталистических отношений в России. Она должна решаться как проблема, охватывающая всю историю СССР — с древнейших времён до наших дней. Это не значит, конечно, что невозможно специальное изучение отдельных вопросов, относящихся к периодизации истории СССР феодального периода или периода капитализма. Но изучение специальных вопросов периодизации истории СССР должно вестись в рамках общей проблемы периодизации истории СССР в целом и на основе тех предпосылок, исходя из которых решается общая проблема.

И. В. Сталин указывает, что «на протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя: первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй, феодальный строй, а в восточной части Европы, в СССР сменялись даже четыре общественных строя»⁴⁷.

Этим указанием И. В. Сталина даётся в наиболее общей и всеобъемлющей форме решение проблемы периодизации истории СССР: товарищ Сталин тем самым устанавливает основные этапы исторического развития, основные периоды в истории СССР — период первобытно-общинного строя, период рабовладельческого строя, период феодального строя, период капиталистического строя и, наконец, период социалистического строя.

Общая сталинская схема периодизации истории СССР не нашла отражения в дискуссии, проводившейся на страницах журнала «Вопросы истории». Она не явилась предметом анализа ни в статье К. В. Базилиевича, ни в выступлениях по этой статье других участников дискуссии. Между тем установление И. В. Сталиным основных этапов в истории СССР создаёт предпосылки для рассмотрения вопросов периодизации внутри каждого исторического периода, в первую очередь для рассмотрения вопросов периодизации истории СССР феодального периода.

С особенной наглядностью это выступает на примере вопроса о «дофеодальном периоде» истории СССР. Проблема «дофеодального периода», его сущности, хронологии и т. д. за последние годы не раз являлась предметом обсуждения в специальных работах и в общих трудах, посвящённых древнейшим этапам истории СССР.

Проблема эта, как известно, была поставлена перед советскими историками замечаниями И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР, после того как И. В. Сталин, А. А. Жданов и С. М. Киров указали как на одну из принципиальных ошибок авторов конспекта учебника по истории СССР на то, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй

⁴⁷ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113.

феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»⁴⁸.

Такое принципиальное указание не могло не привлечь внимания участников дискуссии по вопросам периодизации истории СССР, и проблема «дофеодального периода» явилась предметом анализа как в статье К. В. Базилевича, так и в выступлениях других участников дискуссии (С. В. Юшкова, В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского и т. д.).

Дискуссия выявила большие расхождения у отдельных авторов в трактовке «дофеодального периода». Так, К. В. Базилевич определяет «собственно дофеодальный период» как время «первобытно-общинного строя и начала его разложения»⁴⁹. С. В. Юшков, напротив, рассматривает «дофеодальное», или «варварское», государство как «самый ранний период в возникновении феодального государства»⁵⁰. Наконец, В. И. Довженко и М. Ю. Брайчевский определяют дофеодальный период как «переходный этап от первобытно-общинного строя к феодальному, на протяжении которого формировались феодальные отношения»⁵¹.

Эти расхождения в понимании существа «дофеодального периода», однако, не уничтожают того общего, что характеризует позиции всех участников дискуссии, а именно того, что все участники дискуссии рассматривают проблему «дофеодального периода» как составную часть проблемы периодизации феодального периода истории СССР.

Такой подход к проблеме «дофеодального периода», однако, приводит к внутренне противоречивому положению, заключающемуся в том, что дофеодальный период оказывается частью периода феодального.

С. В. Юшков пытается найти выход, ссылаясь на то, что отказ от отнесения дофеодального (варварского) государства к периоду феодализма должен повлечь за собой вывод (абсурдный), что «в варварском государстве вообще нет классов; что для варварского государства характерно существование какой-то особой группы, включающей и рабов и феодально-зависимое крестьянство — челядь; другими словами, в варварском государстве был какой-то особый общественный строй, «челядинный»»⁵².

Совершенно то же логическое построение (но с противоположным выводом) выдвигает и К. В. Базилевич. Указав, что «понятие «дофеодального периода», или «дофеодального государства», не отнесённое ни к одной из существующих общественно-экономических формаций, не имеет исторического смысла, и одновременно подчеркнул: «вместе с тем вполне ясно, что Киевское государство, основанное на классовом делении общества, не может быть отнесено к первобытно-общинному строю», К. В. Базилевич заключает: «Остаётся, следовательно, включить Киевское государство либо в рабовладельческий либо в феодальный период. В первом случае пришлось бы признать, что либо Киевское государство было рабовладельческим либо рабовладельческие отношения в нём получили впоследствии дальнейшее развитие. Ошибочность подобных представлений следует отнести к числу вполне доказанных положений советской исторической науки. Время Киевского государства — время генезиса феодальных отношений»⁵³.

Таким образом, и К. В. Базилевич, подобно С. В. Юшкову, пытается решить проблему «дофеодального периода» путём отождествления «дофеодального периода» с определённой общественно-экономической формацией, с тем лишь отличием, что относит понятие «дофеодальный период» не к феодальной формации, а к первобытно-общинному строю.

Однако ни решение проблемы дофеодального периода, на котором настаивает С. В. Юшков, ни решение, которое выдвигает К. В. Базилевич, в равной мере не могут быть признаны удовлетворительными: и отождествление дофеодального периода (соответственно: дофеодального государства) с начальным периодом феода-

⁴⁸ Сборник «К изучению истории», стр. 22.

⁴⁹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 66.

⁵⁰ «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 73.

⁵¹ В. Довженко и М. Брайчевский. О времени сложения феодализма в древней Руси. «Вопросы истории» № 8 за 1950 г., стр. 60.

⁵² «Вопросы истории» № 1 за 1950 г., стр. 73—74.

⁵³ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 70—71.

лизма (соответственно: феодального государства) и отнесение дофеодального периода к первобытно-общинному строю представляют, по сути дела, лишь разные формы отката от решения этой проблемы, разные формы снятия самого понятия «дофеодальный период».

В чём причина такого неудовлетворительного решения К. В. Базилевичем и С. В. Юшковым вопроса о «дофеодальном периоде»?

Причину следует искать в неправильном подходе к вопросу о «дофеодальном периоде». И К. В. Базилевич и С. В. Юшков подошли к решению вопроса о дофеодальном периоде не конкретно-исторически, а абстрактно-социодогически. Именно этим абстрактно-социодогическим подходом и объясняются попытки К. В. Базилевича и С. В. Юшкова разрешить вопрос о дофеодальном периоде путём приравнения дофеодального периода к определённой общественно-экономической формации.

Однако такой подход к рассматриваемому вопросу приводит лишь к тому, что у С. В. Юшкова дофеодальный период оказывается объединённым с феодальным (против чего как раз и было направлено замечание И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова), а К. В. Базилевич также фактически снимает проблему «дофеодального периода», отождествляя его с периодом первобытно-общинного строя.

В замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР «дофеодальный период» выступает не как социологическая категория, не как синоним той или иной общественно-экономической формации, а как понятие для обозначения определённого этапа исторического развития в истории СССР, этапа, предшествовавшего образованию феодального строя. И смысл замечания о дофеодальном периоде как раз и заключается в том, чтобы раскрыть условия и обстановку возникновения феодального общества на территории СССР путём изучения периода в истории СССР, предшествовавшего феодализму, — дофеодального периода.

Решающее значение здесь имеют сформулированные И. В. Сталиным в «Кратком курсе истории ВКП(б)» положения об основных этапах исторического развития, пройденных Европой в целом и восточной частью Европы, СССР, в частности.

Отсюда следует, что проблема образования феодализма на территории СССР (а следовательно, и проблема «дофеодального периода») в общей, принципиальной форме может считаться решённой советской исторической наукой путём изучения того, каким образом и в какой форме произошла на территории СССР смена рабовладельческого строя феодальным строем.

При этом советские историки отвергли как несостоятельное такое решение, когда рабовладельческий строй усматривался в Киевском государстве, равно, как и такое, когда рабовладельческий строй вовсе отрицался в истории СССР.

Правильное решение проблемы образования феодализма на территории СССР (а следовательно, и проблемы смены рабовладельческого строя строем феодальным) оказалось возможным лишь тогда, когда рассмотрение этого вопроса советскими историками было выведено за рамки изолированного изучения одних лишь собственно русских процессов исторического развития и вопрос о формировании феодальных отношений на территории СССР был сформулирован как составная часть общеевропейской и вообще мировой проблемы перехода от рабовладельческого строя к строю феодализму. В такой постановке вопроса о путях и формах образования феодального строя на территории СССР советские историки исходили из сформулированного в замечаниях И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР указания о том, что «нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Восточной Европы не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых»⁵⁴.

Такая постановка вопроса находится в полном соответствии с той периодизацией истории СССР, которая содержится в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», где этапы истории, пройденные восточной частью Европы, рассматриваются как выражение общеевропейского процесса развития.

В настоящей статье нет необходимости воспроизводить тот путь и те методы, при помощи которых советскими историками была решена проблема образования феодаль-

⁵⁴ Сборник «К изучению истории», стр. 24.

ного строя на территории СССР. Достаточно указать лишь итоги этой работы, работы концентрировавшейся вокруг проблемы «Киевского государства», его происхождения, природы и исторических судеб.

Б. Д. Греков, исследования которого по истории Киевской Руси, бесспорно, сыграли крупнейшую роль в выработке современных, марксистских взглядов на этот важнейший период в истории СССР, подводит итоги в форме следующего противопоставления двух точек зрения на Киевскую Русь: «тех, кто верил, а может быть, и продолжает верить в то, что Киевская Русь — страна рабовладения, что Русь в это время переживала рабовладельческую формацию, т. е. плелась позади западно-европейских стран, отставая от них лет на 500», и «тех, кто считает Русь одним из средневековых государств выросших в борьбе с рабовладельческим миром и создавших новый, более прогрессивный общественный порядок на развалинах рабовладельческого строя»⁵⁵.

Предпосылкой для выяснения несостоятельности первой из названных Б. Д. Грековым точек зрения и для победы второй, в настоящее время общепризнанной, было суждение огромной роли славян и созданных славянами государств, крупнейшим из которых являлось Киевское государство, во всемирной истории, во всемирно-историческом процессе.

То, что в буржуазной историографии связывалось ранее лишь с германцами, с германскими «варварскими» племенами — крушение рабовладельческой цивилизации и образование феодального строя, — теперь, после работ советских историков, в не меньшей степени оказывается результатом действия на исторической сцене славян, славянских племён.

То, что делали германские племена на Западе — наступление на Римскую империю, — то славяне осуществляли на Востоке в походах на Византию. Эта борьба между античной рабовладельческой цивилизацией и германо-славянским «варварским» миром и явилась рубежом и вместе с тем формой перехода от античного рабовладельческого строя к средневековому феодальному строю.

В свете такого решения советской исторической наукой вопроса об установлении феодального строя на территории СССР совершенно очевидным становится содержание дофеодального периода, равно как и то, что Киевское государство (которое Маркс рассматривал в качестве параллели государства Карла Великого) не может быть относимо к дофеодальному периоду, поскольку оно не завершает процесса распада старой, дофеодальной формы общественного строя на территории СССР, а открывает начало новой, феодальной формы общественного строя на территории СССР.

Определение места и значения Киевского государства в истории СССР не исчерпывается, однако, лишь решением вопроса о начальном моменте в истории Киевского государства. Если Киевское государство открывает собой новый, феодальный период истории СССР, то совершенно очевидно, что необходимо определить, где заканчивается этот первый этап в истории феодального строя на территории СССР, этап, связанный с Киевским государством.

В существующей советской исторической литературе ответ на поставленный вопрос даётся в форме определения следующего за Киевским государством периода в истории СССР, как периода феодальной раздробленности, причём обычно начало этого периода датируется серединой XI века. Так, в частности, считает и К. В. Базилиевич.

Определив «время Киевского государства» как «время генезиса феодальных отношений», К. В. Базилиевич следующим образом основывает свою точку зрения на период феодальной раздробленности: «Мы начинаем новый исторический период именно с этого времени (середина XI в.) потому, что в источниках второй половины XI и начала XII в. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и в политическом строе Руси. К ним относятся: развитие крупного землевладения, законодательство сыновей и внуков Ярослава, устанавливающее господство феодальных производственных отношений, усиление классовой борьбы, вылившейся в ряд открытых народных выступлений (1068, 1071, 1113 гг.), созыв княжеских съездов для решения общих дел, политическое обособление отдельных земель и проч. Все эти явления указывают

⁵⁵ Б. Греков. Киевская Русь, стр. 237. М.-Л. 1949.

на утверждение феодального способа производства и на начало феодальной раздробленности»⁵⁶.

Этот тезис К. В. Базилевича подвергся критике со стороны В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского, справедливо указавших на то, что перечисленные К. В. Базилевичем признаки не включают основного признака феодального способа производства — «перехода крестьян в феодально-зависимое крепостное состояние»⁵⁷. Следует, впрочем, заметить, что, критикуя К. В. Базилевича, В. И. Довженок и М. Ю. Брайчевский не совсем точно излагают позицию К. В. Базилевича: у него речь идёт не о «начале феодализма на Руси», а об «утверждении феодального способа производства», что вовсе не одно и то же.

Однако вопрос, сформулированный К. В. Базилевичем, — о периоде феодальной раздробленности, — может и должен быть подвергнут рассмотрению совсем в иной плоскости.

В каком отношении находятся отмечаемые К. В. Базилевичем явления и процессы к самому факту существования Киевского государства? Означают ли эти явления и процессы уничтожение Киевского государства или они свидетельствуют о развитии его, о новом этапе в его истории? Мне представляется, что вряд ли может быть сомнение в том, что совершенно невозможно заканчивать историю Киевского государства серединой XI века. Достаточно указать на Пространную Русскую Правду. Нестерову Повесть временных лет или Слово о полку Игореве, — все, бесспорно, относящиеся к Киевскому государству, — чтобы признать, что время Киевского государства захватывает и XII век. Но если это так, то отсюда следует, что вопрос о начале нового периода в истории феодальной Руси вряд ли может быть решён так, как предлагает К. В. Базилевич. В самом деле, очевидно, что новый период в истории феодальной Руси является периодом, сменяющим собой период Киевского государства.

К какому же времени относить конец «Киевского периода» в истории феодальной Руси? Где кончается история Киевской Руси?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ясно представить себе характер Киевского государства. Мало определить, что по своей социально-экономической природе Киевское государство было феодальным государством. Надо охарактеризовать его политическую природу, его государственный строй. Киевское государство представляло собой совершенно особую, самостоятельную форму государства, существенным образом отличавшуюся, скажем, от Русского централизованного государства XV и позднейших столетий. Ибо в то время как предпосылкой политической централизации в XV и позднейших веках являлось развитие экономической общности русских земель и само Русское централизованное государство, шедшее на смену феодальной раздробленности удельных времён, было, говоря словами Энгельса, государством «образующейся нации», — время Киевского государства характеризуется как раз противоположными чертами: отсутствием экономического единства территорий и районов, входивших в состав Киевского государства, отсутствием, следовательно, необходимых экономических условий для развития нации.

Поэтому Киевское государство никак не может рассматриваться как своего рода раннее централизованное государство, как политическое выражение экономического единства русских земель, объединённых в этом государстве.

Для правильного понимания природы государственного строя Киевского государства исключительную важность имеет указание И. В. Сталина, содержащееся в его ответе товарищу Санжееву.

Указав на происхождение национальных языков из местных диалектов, отдельные из которых «в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки», и подчеркнув, что именно таким путём образовались русский и украинский национальные языки, И. В. Сталин отметил вместе с тем, что «бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой

⁵⁶ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 71.

⁵⁷ «Вопросы истории» № 8 за 1950 г., стр. 61.

народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке,— оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»⁵⁸. И. В. Сталин допускает, что «возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком»⁵⁹. Но охарактеризованные И. В. Сталиным процессы «государственного распада» народностей, не ставших ещё нациями в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, имеют, конечно, гораздо более широкое и общее значение, чем только для решения вопроса о «едином монгольском языке». В частности, указанные И. В. Сталиным процессы имеют огромное значение для понимания природы Киевского государства.

В самом деле, в каком отношении к литературному языку Киевской Руси — языку договоров с Византией и Русской Правды, языку Повести временных лет и Слова о полку Игореве — находятся те диалекты, которые легли в основу русского и украинского национальных языков? Я думаю, что это отношение целиком соответствует формуле И. В. Сталина, содержащейся в его ответе тов. Санжееву: это — отношение между единым языком народности, ещё не ставшей нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, и местными диалектами, не успевшими ещё перемолотиться в едином языке.

Но если это так, то, очевидно, и тезис И. В. Сталина о «государственном распаде» такой народности имеет прямое отношение к истории Киевского государства. Ибо самостоятельные национальные русский и украинский языки (а также и белорусский национальный язык) развились именно после распада Киевского государства, когда «единый язык народности, не ставшей ещё нацией», потерпел крах и ожившие местные диалекты дали начало образованию отдельных самостоятельных языков.

Обращаясь теперь к вопросу о природе государственного строя Киевской Руси, следует, исходя из анализа процессов, связанных с историей развития национальных языков, данного И. В. Сталиным, определить Киевское государство как форму государственного единства русской народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития.

То обстоятельство, что государственное единство русской народности во времена Киевского государства имело место в условиях отсутствия ещё необходимых экономических условий для развития народностей в нации, объясняет особенности формы государственного строя Киевской Руси, непрочность этого строя, и то, что в процессе развития феодальных отношений Киевское государство испытывает нарастающее феодальное дробление, приводящее в конце концов к образованию типичной феодальной иерархии.

Все эти процессы облегчали государственный распад Киевского государства. Но они вместе с тем не уничтожали самого факта государственного единства всей территории Киевского государства, которое ярко выступает прежде всего в области культуры, являвшейся в своих основных чертах общей для всей Киевской Руси; выступает оно в факте выработки общественным сознанием того времени таких понятий, как «Русь», «Русская земля» и т. д.; выступает в действии общих для всего Киевского государства правовых норм — норм «Русской Правды».

Это же государственное единство территории Киевской Руси выступает и во внешнеполитических отношениях Киевского государства, чётко отграничивавшего себя от других государств и столь же бесспорно признававшегося таковым иностранными государствами.

Наконец, сама политическая структура Киевского государства, выступавшая в виде сложной системы взаимных отношений между отдельными политическими центрами («междукняжеские отношения»), также охватывала собой всю территорию Киевского государства.

Государственное единство Киевской Руси не уничтожается ни тем фактом, что в пределах территории Киевского государства и на его основе возникали самостоятельные феодальные «полугосударства», как, скажем, «новгородская боярская республика», ни тем, что во второй половине XII в. и начале XIII в. Киев всё больше

⁵⁸ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37—38. Госполитиздат. 1950.

⁵⁹ Там же, стр. 38.

терял значение политического центра Киевского государства, уступая место Владимиру.

Все эти черты характеризуют внутреннюю структуру Киевского государства, отражая собой процесс развития феодального строя Киевской Руси. Но они не уничтожают и не могут уничтожить самого факта государственного единства всех русских земель, объединённых в Киевском государстве.

Это единство продолжало сохраняться вплоть до XIII в., до монгольского нашествия 30-х годов XIII в., воспринятого его современниками как «погибель Русской земли», границы которой автор «Слова о погибели Русской земли» очертил в следующих знаменитых словах: «Отселе до угор и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немец; до корелы, до устьяга, где бяху тамо тоимици поганин, и за дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мурдвы, то все покороно было богом христьянскому языку поганьския страны великому князю Всеволоду, отцу его Юрью князю Киевскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половиц дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выникываху, а угры твердяху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал, а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем»⁶⁰.

Таков должен быть ответ на вопрос о времени окончания «Киевского» периода в истории СССР. Сказанное вовсе не исключает необходимости установления этапов в истории развития Киевского государства. Но эти этапы будут уже этапами внутри данного периода, внутри периода Киевского государства.

Хронологические рамки периода, который следует за периодом Киевского государства, определяются самим содержанием этого периода. Замечания товарищей И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР подчёркивают недопустимость сваливания «в одну кучу» самодержавного строя государства и строя феодального, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»⁶¹. Отсюда следует, что время самодержавного строя государства и время феодального строя государства составляют разные, самостоятельные исторические периоды. Вместе с тем замечания товарищей И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова раскрывают и основное содержание периода, предшествовавшего периоду самодержавного строя государства, характеризуя период феодального строя как время, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

Распад Киевского государства под ударами монгольских завоевателей имел своим последствием и расчленение территории Киевского государства. Значительная часть территории, входившей в состав Киевской Руси,— все юго-западные и большая часть западных земель оказались лишёнными государственной самостоятельности и были включены в другие политические системы (Польша, Литва и т. д.). Остальная часть русских земель, хотя и сохранила свою государственность, но более чем на два столетия попала под гнёт «монгольского ига».

В отличие от времени Киевского государства Россия XIII—XV вв. не представляла собой единой государственной системы (хотя бы и построенной по типу феодальной иерархии), она представляла собой ряд государственных систем, группировавшихся каждая вокруг своего собственного политического центра (Москва, Тверь, Рязань, Нижний Новгород, Новгород Великий, Псков, Вятка), причём государственная связь между этими феодальными системами частью вовсе отсутствовала, частью носила почти символический характер. Реальные же взаимоотношения определялись путём прямой и открытой борьбы в форме феодальных войн или путём борьбы дипломатической, дополнявшей и сочетавшейся с борьбой военной. Важнейшей внешнеполитической чертой этого периода являлось наличие «иноземного гнёта»⁶². Наконец, экономической базой феодальной раздробленности являлось отсутствие эконимического единства русских земель.

К этому периоду истории России полностью приложима характеристика «периода

⁶⁰ Труды отдела древнерусской литературы, т. V, стр. 188. Л., 1947.

⁶¹ Сборник «К изучению истории», стр. 22.

⁶² И. Сталчин. Приветствие Москве. «Правда» от 7 сентября 1947 года.

феодализма», данная И. В. Сталиным в работе «Национальный вопрос и ленинизм», где указывается, что «в период феодализма... страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз»⁶³.

В той же работе И. В. Сталин указывает и что являлось материальной базой феодальной раздробленности, подчёркивая, что в «докапиталистический», феодальный период «не было ещё национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»⁶⁴.

Характеризуя основные черты государственного строя периода феодализма и вскрывая экономическую базу, политической раздробленности, присущей периоду феодализма, И. В. Сталин показывает вместе с тем и пути и формы, в каких происходила ликвидация феодальной раздробленности.

Формой, в которой происходила ликвидация феодальной раздробленности, являлось образование централизованного государства. Но в отличие от Западной Европы, где «период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств», «на востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств»⁶⁵. Так обстояло дело в Венгрии, Австрии, России. «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»⁶⁶.

Итак, интересы обороны, требовавшие незамедлительного образования централизованного государства, способного удержать напор нашествия, ускорили процесс образования централизованного государства в России. Этот тезис И. В. Сталина объясняет факт образования Русского централизованного государства в условиях ещё не ликвидированного феодализма, в условиях, когда капиталистического развития ещё не было, когда оно, может быть, только зарождалось.

Вместе с тем, анализируя процесс образования централизованного государства в России, И. В. Сталин подчёркивает недопустимость видеть причины образования централизованных государств на востоке Европы в одних лишь факторах внешнего порядка или сводить эти причины к такого рода факторам.

В специальном письме гг. Цветкову и Алыпову И. В. Сталин разъяснил всю ошибочность противопоставления «экономического развития» и необходимости обороны от внешнего врага как факторов, обуславливающих процесс образования централизованных государств, и подчеркнул, что момент обороны играл в процессе образования централизованных государств роль не определяющего фактора, а лишь фактора, ускоряющего этот процесс⁶⁷.

Таким образом, лишь учёт обоих факторов — «экономического развития» как определяющего фактора и необходимости обороны как фактора, ускоряющего развитие — даёт возможность правильно понять процесс образования Русского централизованного государства.

Характеризуя содержание процесса образования Русского централизованного государства, И. В. Сталин указывает вместе с тем и то, где проходит хронологическая грань между периодом феодальной раздробленности и периодом образования Русского централизованного государства. С исчерпывающей определёностью И. В. Сталин говорит об этом в приветствии Москве в связи с её 800-летием. «Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета — от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала

⁶³ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 33, 34.

⁶⁶ Там же, стр. 34.

⁶⁷ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 9, стр. 176—178.

основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством»⁶⁸.

Итак, гранью, отделяющей период феодальной раздробленности от периода образования Русского централизованного государства, является освобождение России от иноземного гнёта, существовавшего в форме монгольского ига, и объединение разрозненной страны в единое государство с единым правительством, с единым руководством.

Оба эти события приходятся на вторую половину XV в., когда (в 1480 г.) пала «монгольское иго» и вместе с тем Москва, одержав решающую победу в феодальной войне, поднятой Дмитрием Шемякой, объединила под своей властью основные русские земли. Таким образом, вторая половина XV в. и является концом периода феодальной раздробленности.

Образование Русского централизованного государства, будучи гранью, завершающей период феодальной раздробленности, вместе с тем само по себе охватывает целую эпоху и, таким образом, составляет самостоятельный исторический период — со второй половины XV в. вплоть до начала XVII века.

В рамках этого периода выделяются три главных этапа. Первый из них совпадает в основном со временем княжения Ивана III и Василия III и охватывает, таким образом, конец XV в. и первую треть XVI века. В это время происходит объединение территории Русского государства, ликвидация самостоятельных феодальных «полугосударств» и включение их в состав Русского государства. Во втором этапе, падающем на время Ивана Грозного (и на непосредственно продолжающие его царствования Фёдора Ивановича и Бориса Годунова), центр тяжести переносится с вопросов территориальных на строительство аппарата власти и управления централизованного государства (хотя и моменты территориального порядка занимают важное место: включение в состав Русского государства новых территорий — Поволжья, Приуралья и Сибири). Наконец, содержанием третьего этапа является борьба за национальную самостоятельность Русского государства, за утверждение своей независимости, прежде всего против польско-литовского нашествия в начале XVII в., а также против шведской интервенции. К этому времени уже успели вполне сказаться результаты строительства централизованного государства — «с единым правительством, с единым руководством». Итоги борьбы русского народа за «утверждение своей независимости» — разгром польско-шведской интервенции — явились вместе с тем и итогом процесса образования русского централизованного государства.

Исходной посылкой при рассмотрении вопросов периодизации дальнейших этапов в истории СССР должно служить положение В. И. Ленина о «новом периоде русской истории», начинающемся «примерно с 17 века»⁶⁹.

Смысл самого названия «новый период» вполне раскрывается противопоставлением В. И. Лениным этого периода «древней Руси» и «средним векам»⁷⁰. Что касается содержания «нового периода русской истории», то рассмотрению именно этого вопроса и посвящены работы, в которых В. И. Ленин анализирует эволюцию самодержавия в России за XVII—XIX вв., устанавливая основную тенденцию исторического развития России за три века как тенденцию капиталистической эволюции страны.

Принципы ленинской периодизации истории России XVII—XIX вв. уже были рассмотрены в первой части настоящей статьи. Я ограничусь поэтому лишь некоторыми дополнительными замечаниями в связи с трактовкой вопросов периодизации периода XVII—XIX вв. в статьях К. В. Базилевича и Н. М. Дружинина.

Первое из замечаний следует отнести к интерпретации К. В. Базилевичем ленинского тезиса о «новом периоде» в истории России. К. В. Базилевич датирует этот «новый период» временем «с конца XVII в.»⁷¹. Такое толкование вопроса о хронологии «нового периода» русской истории не может быть принято не только потому, что ленинская формула: «примерно с 17 века» — включает XVII в. в рамки «нового периода», но и потому — и это самое главное, — что ленинский тезис о «новом периоде» русской истории стоит в прямой и неразрывной связи с формулой Ленина об основных этапах в развитии русского государственного строя за XVII—XIX века. Начиная эту

⁶⁸ «Правда» от 7 сентября 1947 года.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 87.

формулу с характеристики «самодержавия XVII века», В. И. Ленин тем самым прямо указывает на момент, с которого начинается эволюция русского государственного строя в «направлении к буржуазной монархии». Но именно с этого же момента, «примерно с 17 века», В. И. Ленин датирует и начало «нового периода» в русской истории, периода, экономическим содержанием которого явилось развитие буржуазных связей.

Второе замечание необходимо сделать по адресу Н. М. Дружинина. Рассматривая вопрос о периодизации истории капиталистических отношений в России, Н. М. Дружинин при выделении основных этапов этого процесса не опирается на ленинскую периодизацию истории России XVII—XIX вв., и предложенная им схема основных периодов в развитии капиталистических отношений в России не соответствует тем периодам в истории развития русского государственного строя за XVII—XIX вв., которые названы в трудах В. И. Ленина.

При этом в качестве своего рода теоретической основы для всей периодизации Н. М. Дружинин использует выдвинутую В. К. Яцунским трёхчленную схему развития капитализма, согласно которой, «разрешая проблему возникновения капитализма в нашей стране, мы должны различать: 1) зачатки капиталистической формации, т. е. отдельные спорадические явления нового; 2) капиталистический уклад, т. е. сложившуюся сумму капиталистических элементов, которые разлагают старую формацию и, наконец, 3) победившую и господствующую капиталистическую формацию, в которой сохраняются пережитки феодального строя»⁷².

В соответствии с этой схемой Н. М. Дружинин и делит новую историю России на три этапа: первый, характеризующийся наличием зачатков капиталистической формации, — до 60-х годов XVIII в., второй — период создания капиталистического уклада (1760—1861 гг.) и, наконец, третий — период капиталистической формации (1861—1917 гг.).

Сопоставляя периодизацию Н. М. Дружинина с ленинской периодизацией истории России XVII—XIX вв., не трудно увидеть, что Н. М. Дружинин лишь в одном звене своей периодизации (именно в третьем) опирается на ленинскую периодизацию. Два же первых звена периодизации Н. М. Дружинина стоят в прямом противоречии с теми периодами в истории России XVII—XIX вв., которые установил В. И. Ленин. В самом деле, если В. И. Ленин говорит о начале «нового периода» русской истории «примерно с 17 века», то Н. М. Дружинин для всего XVII в. и большей части XVIII в. говорит лишь об отдельных, спорадически появляющихся зачатках капитализма, «которые еще не могли поколебать господствующую феодальную систему»⁷³; если В. И. Ленин, периодизируя историю «нового периода», второй этап в истории этого периода связывает с «монархией XVIII в.», то Н. М. Дружинин не видит ничего принципиально нового, по сравнению с периодом «монархии XVII в.», ни в петровской монархии первой четверти XVIII в., ни в государстве второй четверти XVIII в., вплоть до 60-х годов XVIII века. Наконец, самая дата 60-е годы XVIII в., выдвигаемая Н. М. Дружининым как хронологическая грань, знаменующая формирование капиталистического уклада, никак не может быть согласована с теми этапами в развитии государственного строя России, которые устанавливает В. И. Ленин. Ибо в ленинской периодизации истории России в качестве второго этапа в истории государственного строя России за XVII—XIX вв. выступает весь XVIII век в целом — «самодержавие XVIII в. с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»⁷⁴, — и развернутая ленинская характеристика «самодержавия XVIII в.» не даёт никакой возможности говорить о каком-то новом, важнейшем этапе в историческом развитии России, начинающемся с 60-х годов XVIII века.

Подводя итоги, следует признать, что отступления от ленинской схемы периодизации «нового периода» русской истории, допущенные К. В. Базилевичем и Н. М. Дружининым, лишили их возможности разработать конкретную схему периодизации этого периода истории СССР — схему, основу которой должны были составить принципы периодизации, сформулированные В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

⁷² «Вопросы истории» № 11 за 1949 г., стр. 93.

⁷³ Там же.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.